

Н. В. Родин,

лаборант отдела Новой истории России СПбИИ РАН

Организация воинских захоронений в России в годы Первой мировой войны: коммеморативные проекты и повседневные практики

Военные захоронения занимают особое место в коммеморативной культуре различных народов. Государственная политика памяти и конструирование мифов о войне зачастую базируются на формировании и сакрализации мест, где покоятся участники военных конфликтов.

Первая мировая война вывела процесс организации захоронений и их последующей коммеморации на невиданный прежде уровень: огромные потери на фронтах и гибель от ран и болезней в тылу приводили к появлению большого числа воинских захоронений. Масштабы войны сразу же поставили перед властью и обществом вопросы о сохранности захоронений и увековечении памяти павших. Зарубежные исследователи давно разрабатывают вопросы культуры смерти и культуры памяти погибших на Западном фронте Великой войны¹. В то же время обстоятельного исследования коммеморативных проектов России до сих пор не существует².

Анализ российских исторических источников позволяет выделить четыре уровня коммеморативных проектов, связанных с организацией захоронений, которые реализовывались во время войны:

- 1) Частный (семейный);
- 2) Корпоративный («полковой»);
- 3) Общественный;
- 4) Государственный;

Следует отметить, что в отдельных случаях, коммеморативный проект мог реализовываться одновременно на нескольких уровнях.

Частный уровень коммеморации и сегодня практикуют миллионы людей, устанавливая надгробья на месте захоронения своих близких. Нередко надгробные надписи и эпитафии содержат важную информацию, которую будущий исследователь может использовать, как исторический источник. В России в годы Первой мировой войны многие родственники военнослужащих, преимущественно офицеров, устанавливали на их могилах

каменные надгробья. Производилось это обычно на «тыловых» кладбищах или в семейных усыпальницах. Дореволюционная орфография и архитектура этих памятников свидетельствуют о том, что они были установлены либо до Октябрьского переворота 1917 года, либо в самые первые годы советской власти. Как правило, надгробные надписи всегда содержат информацию о чине покойного, дате смерти. Иногда указывались принадлежность к определенной воинской части, обстоятельства гибели, место гибели. Встречаются надгробья, которые представляют собой своего рода «краткие послужные списки». Надгробья, установленные в советский период, отличаются более скромной архитектурой, и крайне скупыми эпитафиями в новой орфографии. Последний фактор можно объяснить самоцензурой родственников: указание на памятнике офицерского или генеральского чина, принадлежности к полкам императорской армии, видимо, не считалось безопасной затеей.

Частный уровень коммеморации реализовывался, как правило, в тылу, на родине погибшего. Очевидно, что похороны и последующую установку надгробного мемориала было несложно организовать в том случае, если комбатант умирал в лечебном заведении того города, где проживали его родные и близкие. В остальных случаях требовалась репатриация тела. Сохранившиеся прошения родственников, которые обращались к чиновникам и военному командованию с просьбой разрешить транспортировку останков и оказать в этом содействие, свидетельствуют о том, что репатриация павших была востребована в самых широких слоях населения Российской империи. С подобными прошениями выступали родственники солдат и офицеров, их, через помощников, составляли неграмотные или не владевшие русским языком люди³. Однако, организация репатриации останков, тем более в условиях военного времени, была довольно хлопотным и недешевым мероприятием. Государство могло компенсировать только расходы на транспортировку гроба по железным дорогам. Все остальные траты ложились на плечи инициаторов репатриации останков. Существовавшие санитарные нормы России предписывали производить транспортировку эксгумированных останков исключительно в металлических, герметично запаянных, гробах. В 1915 году, по свидетельству московского доктора С. В. Пучкова, из-за дефицита листового цинка, стоимость подобных гробов составляла не менее 250 рублей⁴. Для небогатых семей – очень значительная сумма, даже с учетом инфляции. А ведь помимо покупки гроба возникали и другие траты: необходимо было добраться иногда до весьма удаленных от дома пунктов, где было захоронено

тело, получив разрешение на эксгумацию, нанять рабочих, которые должны были ее произвести и т.д. Таким образом, репатриация становилась недоступной для малоимущих семей. Заметим, что, осознав угрозу социального раскола на почве недоступности репатриации, власти Великобритании законодательно запретили ее в 1915 году, причем этот запрет распространялся и на послевоенные годы, что, конечно, вызывало протест обеспеченных семей, желавших перевезти останки своих родственников с полей Фландрии и Франции в родные края. Однако, британские власти фактически монополизировали права на тела павших комбатантов и оставались непреклонны⁵. В США вопрос о репатриации останков своих комбатантов из Европы обсуждался на самом высоком уровне. Организации «Bring the bodies home» удалось убедить Конгресс поддержать проект репатриации. В сравнении с другими великими державами, США потеряли убитыми и умершими от ран сравнительно немного людей (около 80 тысяч человек), поэтому проект репатриации мог быть реализован на государственном уровне. Бюджет этого проекта составил около 30 млн. долларов, всего в межвоенный период были вывезены останки 46 304 человек⁶. Российские власти заняли нейтральную позицию. Они, конечно, не могли организовать репатриацию останков сотен тысяч убитых на фронтах, но и не стали законодательно запрещать ее частным лицам. В результате, российский опыт репатриации затрагивал, как правило, только семьи офицеров. Вносило ли это обстоятельство в раскол внутри армии и общества? Эти вопросы еще ждут своего исследователя. По свидетельству А. Б. Асташова, известного специалиста по истории повседневности Русского фронта Великой войны⁷ и публикатора солдатских писем⁸, в документах РГВИА ему не встречались жалобы солдат на несправедливый порядок репатриации, доступный только офицерам.

Корпоративный уровень коммеморации приобретал уже более сложные формы. Наиболее яркой иллюстрацией корпоративной коммеморации погребений являются некрополи российской гвардии. К началу Первой мировой войны каждая гвардейская часть фактически представляла собой своего рода *status in statu* в организме вооруженных сил России. Если при комплектовании гвардейских полков нижними чинами обращали внимание на внешность новобранцев, то офицеру, для выхода в тот или иной полк, требовалось пройти неофициальную «фильтрацию». К кандидату присматривались, требовались хорошие рекомендации и хорошие выпускные баллы в училище. Принадлежность к династии, которая уже не в первом поколении была связана с определенным полком, конечно, была

преимуществом кандидата. Попадая в полк, офицер фактически становился членом «элитарного клуба» или, как говорили, «полковой семьи». Связи с «родным полком» сохранялись у офицеров и при продвижении по службе или уходе в отставку. Неудивительно, что забота о захоронениях однополчан играла такую важную роль в повседневности гвардии в ходе Великой войны. Гибель кадрового офицера воспринималась однополчанами, как утрата члена семьи. По источникам отчетливо прослеживается стремление гвардейцев (особенно гвардейской пехоты) к розыску и сохранению тел офицеров, а также к созданию корпоративного некрополя⁹. Апогеем таких полковых мемориальных проектов становится организация офицерских усыпальниц в полковых церквях и соборах. Для устройства подобных усыпальниц требовались Высочайшие разрешения, которые царь, сам бывший гвардеец, охотно давал. Если усыпальница не могла быть организована по объективным причинам, например, из-за небольших размеров церкви (полковые церкви лейб-гвардии Павловского и Финляндского полков), тогда полки формировали свои корпоративные некрополи на кладбищах. Лейб-гвардии Павловский полк имел склеп-усыпальницу еще до начала Первой мировой войны, а лейб-гвардии Финляндский организовал «братскую могилу» на Смоленском православном кладбище, неподалеку от известного захоронения своих солдат-однополчан, погибших во время теракта в Зимнем дворце в 1880 году. Можно ли считать захоронение в усыпальницах исключительно офицеров дискриминационным? Это довольно неоднозначный вопрос. С одной стороны, этим как будто вновь подчеркивалось их социокультурное превосходство над солдатами. Выходило, что и смерть не объединяла тех, в чьей повседневности при жизни было столько различий. С другой стороны, организация репатриации всех погибших солдат стала бы невыполнимой инфраструктурной задачей для любого полка гвардейской пехоты. Ведь счет погибшим в каждом полку шел на тысячи человек. Сложно представить себе усыпальницу, способную вместить столько захоронений.

В выработке мемориальных проектов для гвардейцев принимали участие представители общественных организаций и частные лица. Так, в 1916 году лейб-гвардии Преображенский полк, через печатный орган Императорского общества архитекторов-художников, «Архитектурно-художественный еженедельник», объявил конкурс на проект полковой усыпальницы, которая должна была появиться за алтарной частью Преображенского всей гвардии собора к 1919 году. В сентябре 1917 года его примеру последовал лейб-гвардии Измайловский полк, в полковом соборе

которого де-факто производились захоронения еще с 1914 года. Не имея возможности привести своих павших солдат для погребения в Петроград, эти полки планировали поименно перечислить всех погибших на специальных мемориальных досках, которые должны были висеть рядом с офицерскими гробницами. Данный коммеморативный проект можно считать прогрессивным, если сравнивать его с опытом XVIII-XIX вв., когда, в лучшем случае, указывалось просто количество погибших солдат, но отнюдь не их имена.

Следует все-таки отметить, что последнее слово в вопросе выбора места захоронения погибшего офицера было за его родственниками. Многие семьи уже имели династические, семейные некрополи. Если говорить о представителях аристократических фамилий, то их часто увозили для погребения в удаленные от Петрограда имения. В самой столице семьи гвардейцев, как правило, имели участки на монастырских кладбищах и на наиболее старых городских некрополях – Смоленском и Волковском кладбищах. Впрочем, известны случаи перезахоронения праха из семейного некрополя в полковую усыпальницу.

Интересен также вопрос о корпоративной коммеморации частей 3-й гвардейской пехотной дивизии, которые, после падения Варшавы летом 1915 года, потеряли связь со своим родным городом и довоенными традициями погребения однополчан, оказавшись в роли «гостей» в имперской столице. К сожалению, разработка этого вопроса осложняется тем обстоятельством, что часть дел, прямо относящихся к этой теме, из Ф. 806 РГИА, были уничтожены в советское время, как «не представляющие научной ценности».

Государственная власть, разрабатывая проект коммеморации военных захоронений Первой мировой войны, безусловно, не могла не учитывать подобный опыт предыдущих войн, в которых участвовала Россия. Здесь можно вспомнить историю создания и коммеморации так называемой Шведской могилы, где были захоронены русские солдаты и офицеры, павшие в ходе Полтавской битвы. Считается, что Петр I непосредственно присутствовал при погребении воинов и участвовал в установке креста над этой братской могилой. В течение следующих двух столетий рядом со Шведской могилой появлялись различные объекты, призванные увековечить память похороненных комбатантов: каменный крест, православный храм и церковно-приходская школа. Примечательно, что значительную часть расходов по коммеморации Шведской могилы покрывали пожертвования частных лиц, а не государственные ассигнования¹⁰.

Большое влияние на коммеморативную культуру России периода Первой мировой войны оказали крымские захоронения участников Восточной войны 1853-1856 гг. и, главным образом, Братское кладбище в Севастополе. Здесь были погребены десятки тысяч комбатантов, как павших во время обороны Севастополя, так и умерших позднее участников этой кампании. Примечательно, что братские могилы, которые формировались, в основном, по корпоративному (полковому) принципу, соседствуют на нем с индивидуальными захоронениями офицеров, генералов и адмиралов. Пространство кладбища было обособлено оградой, а в центре построен Свято-Никольский храм-памятник, средства на который собирались по всероссийской подписке.

За несколько лет до начала Первой мировой войны проводились коммеморативные мероприятия, связанные с захоронениями участников Русско-японской войны. Поиском тел павших, перезахоронениями, благоустройством некрополей и установкой монументов занимались сотрудники Комитета по увековечению памяти русских воинов, павших на войне 1904-1905 гг., председателем которого была сестра императора великая княгиня Ольга Александровна¹¹. 1912 год был отмечен празднованием столетнего юбилея Отечественной войны и, в частности, коммеморацией пространства сражения и погребений на Бородинском поле.

Принимая во внимание этот коммеморативный опыт, неудивительно, что главный государственный проект по увековечению памяти павших появился спустя всего несколько недель после начала Первой мировой войны. Разработан он был междудеPARTMENTальной комиссией при Александровском комитете о раненых, под председательством военного министра генерал-адъютанта В. А. Сухомлинова. Проект предлагал реализовывать следующие инициативы:

1) Устанавливать мемориальные доски с именами павших «во всех приходских церквях» (подобная практика уже применялась после Русско-японской войны);

2) На родине погибших, «на более видных местах», устанавливать памятные знаки «хотя бы примитивного устройства, в виде часовен, крестов, каменных столбов, плит и тому подобного».

3) Умиравших в лечебных заведениях городов империи воинов хоронить только на специально отведенных участках – Братских кладбищах. Т.е. обособлять некрополь Первой мировой войны от всех других

захоронений. Братские кладбища должны были обноситься оградой, предполагалось устанавливать на них храмы, часовни, мемориальные знаки. Сразу была сформулирована и перспективная цель организации Братских кладбищ: «Такие братские кладбища будут напоминать последующим поколениям о жертвах Великой Европейской войны».

Император утвердил проект междуведомственной комиссии при Александровском комитете о раненых 19 сентября 1914 года. Вопрос об устройстве Братских кладбищ на местах решали структуры городского и земского самоуправления¹². На Братских кладбищах нельзя было хоронить военнопленных (хотя редкие исключения из этого правила встречались нам в учетной документации Петроградского братского кладбища). По замыслу властей, они должны были стать общим некрополем, символизирующим единение в смерти за Россию комбатантов разных национальностей и вероисповеданий. Действительно, вчитываясь в записи ведомостей и алфавитов погребенным на Петроградском братском кладбище, можно заметить актовые записи о захоронении христиан (православных, протестантов и католиков), мусульман, нескольких буддистов и даже рабочих-язычников (шаманистов). Единственного иудея, захороненного на Братском кладбище Петрограда, вскоре все-таки перенесли на Преображенское еврейское кладбище, где упокоились и другие 167 участников Первой мировой войны иудейского вероисповедания, похороненные в столице¹³. Мусульмане, имевшие близ деревни Волковой военное кладбище еще с первой половины XIX века, в основном, находили последний приют на нем. А после Февральской революции даже обращались к Временному правительству с просьбой оказать содействие по расширению этого кладбища. Таким образом, можно сделать вывод, что для многих родственников комбатантов нехристианских вероисповеданий важнее было следовать установившимся традициям и хоронить погибших родственников на некрополях своих общин. Сила инерции традиций оказывалась привлекательнее проекта общеимперского, братского, некрополя, погибших не за одну веру, но за одно отечество и, до определенной поры, за одного царя.

Отметим, что междуведомственная комиссия при Александровском комитете о раненых обошла стороной вопрос о коммеморации фронтовых захоронений. Одна из немногих исследователей, обратившихся к теме русской «культуры смерти» эпохи Первой мировой войны, профессор С. Ю. Малышева, даже противопоставила «плохие» похороны на фронте и «хорошие» похороны в тылу, когда в первом случае происходила

минимизация, вульгаризация скорби, а во втором, напротив, ее гипертрофия¹⁴. Эта точка зрения не бесспорна. Очевидно, что вопрос требует более глубокой проработки по архивным источникам. Степень внимания к процессу фронтовых захоронений и последующих коммеморативных мероприятий зависела от боевой обстановки, числа потерь, особенностей местности, климатических условий, традиций той или иной воинской части. Автор настоящих строк уже писал о том, что дела с организацией фронтовых захоронений и их благоустройством обстояли по-разному: например, в штабе Северного фронта процесс благоустройства могил оценивался положительно, а в штабе 11-й армии (Юго-Западный фронт) – диаметрально противоположно. Особенно подчеркивался разительный контраст (и его моральное влияние на войска) австрийских и русских захоронений. Не в пользу последних¹⁵. Объективно оценить мероприятия по организации и благоустройству российских фронтовых захоронений можно только проанализировав массив сохранившихся источников (в том числе фотографий), хранящихся, главным образом, в Российском государственном военно-историческом архиве.

Если говорить о довоенном опыте, то в эпоху Александра III, наоборот, возник кризис солдатских похорон мирного времени. Нижних чинов петербургского гарнизона хоронили в самых дешевых разрядах отдаленных кладбищ, нередко без отпевания и без участия в похоронах даже ближайших начальников. С целью исправить эту ситуацию в 1887 году была образована Комиссия по вопросу об устройстве под Петербургом военного кладбища и упорядочения похорон умерших нижних чинов Гвардейского корпуса, которую возглавил командир лейб-гвардии Измайловского полка генерал-майор Маклаков. В докладе Комиссии фигурирует обратное противопоставление: похороны на поле битвы сопровождаются ритуалом отпевания, на них присутствуют офицеры, в то время как в мирное похороны приобрели «донельзя упрощенный и пренебрежительный» порядок, не соответствующий статусу «Царского Воина; самого честного слуги Государя и Отечества»¹⁶. По итогам работы комиссии были выработаны правила погребения нижних чинов и открыты два крупных военных кладбища, на которых хоронили военнослужащих гвардейских и армейских частей Петербургского гарнизона. Во время Первой мировой войны захоронения на этих кладбищах продолжались. Хоронили на гарнизонных кладбищах и умерших от ран в лечебных заведениях Петрограда. Подчеркнем, что это нарушало замысел комиссии при Александровском комитете о раненых.

Получалось, что далеко не все воины находили последний земной приют на Братских кладбищах.

Любопытно, что образцовым Братским кладбищем в Российской империи стало отнюдь не Петроградское братское кладбище, а Московское. Именно последнее получило официальный статус «Всероссийского памятника Великой войны». Покровительницей Московского городского братского кладбища была великая княгиня Елизавета Федоровна, успевшая зарекомендовать себя в качестве успешного благотворителя. Попечителем стал известный общественный деятель, доктор С. В. Пучков. Энергия этих людей и их помощников, достаточное финансирование со стороны Московской городской думы и за счет частных пожертвований позволили в кратчайшие сроки создать благоустроенный некрополь. На нем появились отдельные участки для погибших авиаторов, сестер милосердия. Появлялось немало могил офицеров. В 1916 году на этом кладбище был погребен бывший главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от кавалерии П. А. Плеве.

В то же время в столице империи городские власти сначала долго не могли выбрать место для Братского кладбища, а затем (выбрав не самое удачно место – на свободном участке открытого в 1872 году Преображенского городского кладбища близ станции Обухово) выделяли на его содержание крайне незначительные суммы. Фактически открыто для захоронений Петроградское братское кладбище было в марте 1915 года, а в июне 1916 года комиссия, посетившая кладбище, выявила на нем массу проблем, начиная от системы регистрации захоронений (отсутствие подвижного алфавита) до неблаговидного состояния могил, которые перестали обкладываться дерном. Пресловутое противостояние двух столиц не могло не проявиться и в деле военной коммеморации. Неутешительное состояние Петроградского братского кладбища было отражено в отчете комиссии, где, в частности, говорилось: «Столица и центр административной жизни[,] Петроград[,] не может в этом патриотическом деле отстать от Москвы, в которой имеется уже образцовое Братское кладбище». Но в последующие месяцы ситуация на Петроградском братском кладбище только ухудшилась. 27 сентября 1916 года смотритель кладбища А. Н. Перозио в письме попечителю кладбища А. В. Мурину докладывал о критической ситуации, связанной с отсутствием финансирования. Денег на оплату могильщикам и рабочим не хватало, счета подрядчиков оставались непоплаченными. «Необходимо немедленно решить этот вопрос во избежание громадного скандала. Может случиться, что не только некому будет

хоронить, но даже не представится возможным вынести покойников из вагонов¹⁷», — тревожно констатировал Перозио. Видя плачевное состояние кладбища, родственники погибших редко выбирали этот некрополь для захоронения их праха. Статистика захоронений командного состава говорит сама за себя. Если на Московском городском братском кладбище в период с 15 февраля по 15 ноября 1915 года (за 9 месяцев) было погребено 130¹⁸ генералов, штаб-офицеров, обер-офицеров и военных чиновников, то на Петроградском братском кладбище с марта 1915 года по конец августа 1916 (за 17 месяцев) года появилось только 19 офицерских могил¹⁹.

К концу года городские власти Петрограда, наконец, осознали серьезность положения и собирались выделить на нужды кладбища более 300 тыс. рублей²⁰. Члены императорской семьи не знали или не обращали внимания на положение Петроградского братского кладбища. На освящении кладбища 17 мая 1915 года присутствовала только великая княгиня Мария Павловна старшая²¹. Императрица Александра Федоровна была занята собственным мемориативным проектом — в Царском Селе было устроено небольшое братское кладбище, названное «Уголком героев», идеальный порядок которого был обеспечен вниманием императрицы. Она часто посещала его, присутствовала на похоронных процессиях и панихидах, о чем писала мужу²².

Недостаточное внимание властей к процессу благоустройства Петроградского братского кладбища, очевидно, предопределило и его дальнейший статус «забытого некрополя». Несмотря на то, что на нем было погребено более 10 тысяч участников Первой мировой войны, сегодня только специалисты могут точно сказать — где же располагался главный тыловой некрополь столицы Российской империи? На современном кладбище Памяти жертв 9-го января ничто не напоминает о Братском кладбище. В то время как Московское городское братское кладбище, несмотря на уничтожения советских лет (сохранилось только надгробье сына члена СНК Шлихтера, погибшего на фронте), возродилось в виде мемориального парка. В 2015 году, на бывшее Московское городское братское кладбище, в новую Спасо-Преображенскую часовню, перенесли прах первого Верховного главнокомандующего российскими войсками в Первую мировую войну — великого князя Николая Николаевича младшего и его супруги.

Трудно спорить с тем, что государство, в условиях масштабной, многолетней войны, не могло справиться с комплексом всевозможных проблем, не прибегая к помощи общества. Проблема коммеморации

воинских захоронений не стала исключением. Весной 1915 года чиновник Лесного департамента коллежский советник П. И. Марченко инициировал создание Всероссийского общества памяти воинов Русской армии, павших в войну 1914-1915 гг. с Германией, Австрией и Турцией (далее – Всероссийское общество памяти). Помимо него в составе членов-учредителей этой организации было еще 47 человек, среди которых можно встретить много известных лиц (издатели братья М. А. и Б. А. Суворины, публицист М. О. Меншиков, гражданский инженер Вас. А. Косяков, петроградский митрополит Владимир, киевский митрополит Флавиан, депутат Государственной Думы Н. Л. Марков 1-й, Б. В. Штюрмер и т.д.). Поскольку за созданием Всероссийского общества памяти, как видно из списка членов-учредителей, стояло немало чиновников, то в данном случае уместно говорить о квазиобщественном (полугосударственном/полуобщественном) характере этой организации. В литературе также употребляется термин «публично-правовые» для классификации обществ такого рода²³. Довольно странно, что долгое время в исторической литературе, за исключением кратких упоминаний²⁴, не было никакой информации о Всероссийском обществе памяти. Статьи об этой организации отсутствуют, как в трехтомной энциклопедии, так и в энциклопедическом словаре, вышедших к 100-летию начала Первой мировой войны²⁵. Даже в монографии А. С. Тумановой, посвященной истории общественных организаций России в годы Первой мировой войны, проигнорировано существование Всероссийского общества памяти. Упоминаний о нем нет ни в тексте книги, ни в приложенном к ней Указателе общественных организаций, совещаний и съездов²⁶. В 2015 году автор настоящих строк опубликовал обзорную статью о Всероссийском обществе памяти на немецком языке²⁷. В уставе этой организации декларировалась ее главная цель: «Всеми законными способами и средствами охранять и содействовать охранению на полях брани могил Русских воинов, павших в войну 1914 – 1915 годов с Германией, Австрией и Турцией, без различия вероисповеданий и национальностей, и сохранить в дальнейшем память погибших жертв долга Родине. Сообразно с этой целью Общество отыскивает и приводит в известность могилы воинов, устанавливает, по возможности, вероисповедание, национальность, наименование воинских частей, имена, фамилии и время кончины павших, приводит в должный вид братские и одиночные могилы, ставит кресты, памятники, ограды и печется о дальнейшем сохранении их в порядке.

Обществу предоставляется в установленном Законом порядке, переносить в случае погребения в несоответственных местах, прах покойных в более подходящие места, а равно содействовать родственникам погребенных или путем ходатайств перед официальными лицами и подлежащими учреждениями, или через особых своих уполномоченных, коим будет предоставлено на то право в розыскании мест погребения воинов, а при желании их оказывать возможную помощь к перевозке праха на родину; определять исторически, по времени боев в данной местности, дни поминовения павших и общей панихиды.

С развитием деятельности Общества и увеличением его средств, ему предоставляется, в увековечивание выдающихся боев и подвигов отдельных лиц, сооружать храмы, часовни и разного рода памятники, а также издавать исторические описания подвигов воинских частей и героев их; открывать различные благотворительные учреждения, сопряженные с памятью погибших: приюты для увечных воинов, вдов и сирот их, школы, музеи, читальни, стипендии и т. п., а также приобретать в собственность Общества, в случае надобности, участки земли, необходимые для сооружения указанных выше памятников и учреждений»²⁸.

Можно отметить толерантный характер намеченных целей: коммеморации подлежали люди разных вероисповеданий и национальностей. Т.е. под «русскими воинами» подразумевались все военнослужащие вооруженных сил Российской империи. В своих воззваниях Всероссийское общество использовало довольно демократичное обращение: «Граждане!»²⁹.

Руководство Всероссийским обществом памяти осуществляло его Общее собрание. В качестве исполнительного органа был создан Главный совет. Председателем Главного совета первый год была графиня С. С. Игнатьева, хозяйка довольно известного в Петрограде правого политического салона. С весны 1916 года Главный совет возглавил генерал Н. В. Рузский. По сохранившейся входящей и исходящей документации Всероссийского общества памяти видно, что оно вело активную переписку с чинами Военного министерства и других ведомств, собирая информацию о мероприятиях по регистрации павших, охране и благоустройству их могил. Члены Общества и, в частности, его формальный организатор лесничий П. И. Марченко, разрабатывали проекты по организации и последующей коммеморации фронтовых захоронений. В различных городах империи открывались отделы Всероссийского общества памяти. Наиболее видной

коммеморативной инициативой Общества можно назвать организацию, через Императорское общество архитекторов-художников, конкурса для выработки типовых монументов разных масштабов (от крестов, табличек до храмов-памятников), которые должны были устанавливаться на местах боев и захоронений. С конкурсными проектами в Ставке знакомился и Николай II, который в августе 1916 года принял Всероссийское общество памяти под свое официальное покровительство, что могло открыть для него более широкие перспективы в деятельности. Известны циркуляры руководителей различных министерств и ведомств, в которых они призывали своих подчиненных содействовать целям Всероссийского общества памяти и вступать в его ряды. После Февральской революции Общество не было закрыто, но об активной его деятельности в этот период пока никаких сведений не выявлено, а приход к власти большевиков и начавшаяся Гражданская война, безусловно, не оставили надежды на воплощение указанных проектов в жизнь.

Какие выводы позволяет сделать исследование коммеморации российских воинских захоронений периода Первой мировой войны?

- 1) Не был выработан общенациональный (общеимперский) концепт коммеморации воинских захоронений. Разные социальные, этноконфессиональные, корпоративные группы и частные лица реализовывали свои собственные проекты. Не был в полной мере реализован и проект Братских кладбищ Великой войны: захоронения производились, как на старых гарнизонных кладбищах, так и на общегородских некрополях, в усадебных усыпальницах и полковых склепах.
- 2) Реализация коммеморативных проектов, связанных с организацией захоронений, сталкивалась с чередой проблем объективного и субъективного характера. На фронте, особенно в условиях непрерывных боев, захоронения могли производиться наспех, без соблюдения необходимых ритуалов, без рытья индивидуальных могил, точного подсчета и идентификации умерших. В периоды позиционного противостояния и затишья на фронте у воинских частей было больше времени для благоустройства фронтовых захоронений. В тылу власти нередко отводили под Братские кладбища не самые лучшие участки, выделяли недостаточно средств для содержания захоронений в порядке. В то же время, известны

примеры успешной организации массовых захоронений, как на фронте, так и в тылу.

- 3) В России государство не присваивало себе права на тела павших. Последнее слово в вопросе о месте захоронения было за родственниками погибших.
- 4) Несмотря на постепенную демократизацию офицерского корпуса, культурная пропасть между солдатами и офицерами не была преодолена. Это выражалось и в культуре солдатской и офицерской смерти. Офицеры чаще имели индивидуальные могилы на фронте. Тела офицеров чаще репатриировали для погребения в родных местах. На Братских кладбищах офицерам выделялись лучшие участки. Солдат (за редчайшими исключениями) не хоронили в полковых усыпальницах.
- 5) Коммеморация воинских захоронений Первой мировой войны оказала серьезное влияние на культуру смерти периода Российской революции 1917 года и Гражданской войны. Уже после Февральской революции происходит политизация культуры смерти. 23 марта 1917 года на Марсовом поле проходят знаменитые похороны «Жертв революции». После июльских событий в Александро-Невской лавре появляется, фактически, новое (четвертое по счету) кладбище – у стен Свято-Троицкого собора хоронят казаков. В ноябре 1917 года, в Москве, после боев с юнкерами, большевики создают стихийный «красный» некрополь у стен Кремля. В годы Гражданской войны серьезное внимание уделяется судьбе останков ключевых (символических) фигур конфликта. Глушение над вырытым трупом генерала Л. Г. Корнилова заставляет белых увозить или тайно хоронить тела своих лидеров (М. В. Алексева, М. Г. Дроздовского, В. О. Каппеля). Красные, несмотря на свою антирелигиозную риторику, на практике тоже репатрируют погибших «героев Гражданской войны», которых хоронят у Кремлевской стены или на Марсовом поле.

¹ См., например: *Winter J.* Sites of memory, sites of mourning: the Great War in European cultural history. Cambridge, 1995; *Black M.* Death in Berlin. From Weimar to divided Germany. Cambridge, 2010; *Budreau L.* Bodies of war: World War I and the politics of commemoration in America, 1919-1933. New-York, 2010; *Cornish P., Saunders N.* (eds) Bodies in conflict: corporeality, materiality and transformation. London, 2014.

² Книга Карен Петроун, полемизирующей с тезисом о «забытой войне», посвящена проблеме памяти о Первой мировой войне уже в новую, советскую, эпоху.

Коммеморативная политика и культура дореволюционной России ею не исследовались. См.: *Petrone K. The Great War in Russian memory. Bloomington, 2011.*

³ Подробнее о репатриации останков российских комбатантов см.: *Родин Н. В.* Источники по истории репатриации тел русских комбатантов Первой мировой войны // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014) / отв. ред. М. А. Воскресенская, А. С. Крымская, Е. В. Петров. М., 2017. С. 504-530.

⁴ *Пучков С. В.* Московское городское братское кладбище. М., 1915. С. 30

⁵ См. об этом, например: *Dendooven D.* “Bringing the dead home”. Repatriation, illegal repatriation and expatriation of British bodies during and after the First World War // *Cornish P., Saunders N. (eds), Bodies in conflict: Corporeality, materiality and transformation. London, 2014, pp. 66–79.*

⁶ *Beckett I.* The Great War: 1914–1918, 2nd edn, New York, 2013, p. 603.

⁷ *Асташов А. Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014.

⁸ Письма с войны 1914-1917 / сост., коммент. и вступ. ст. А. Б. Асташова и П. А. Симмонса. М., 2015.

⁹ В качестве источников привлекались документы из фондов действующих полков и запасных батальонов (будущих резервных полков) (РГВИА), учетная документация кладбищ, переписка с духовенством и метрические книги (РГИА, ЦГИА СПб), материалы периодической печати, фотографии. Подробнее об источниках см.: *Родин Н. В.* К изучению источников по истории воинских захоронений Первой мировой войны (на примере Петрограда) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXXIV. СПб., 2014. С. 112-123;

¹⁰ *Павловский И. Ф., Старковский В. М.* Полтавская битва и ее памятники. Полтава, 1895. С. 49, 78-86.

¹¹ Доклад и отчет по обзору кладбищ и могил русских воинов в Маньчжурии / [составленный] членом Комитета Л. В. Голубевым и полковником Генерального штаба Л. М. Болховитиновым. СПб., 1909.

¹² Подробнее см.: *Родин Н. В.* Великая война 1914–1918 гг. и национальная память России: проекты и реалии // Великая война 1914–1918. Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. Россия в первой мировой войне. Вып. 3. М., 2013. С. 112-117.

¹³ Подробнее см.: *Родин Н. В.* Иудейский воинский некрополь Петрограда 1914 — 1918 гг. Социокультурные измерения // Петербургский исторический журнал. 2016. № 4 (12). С. 268-280.

¹⁴ *Malysheva S.* Bereavement and Mourning (Russian Empire) // 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War / Ed. by U. Daniel, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, J. Keene, A. Kramer, and B. Nasson, iss. by Freie Universität Berlin. Berlin 2014-10-08. URL: [http://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/Bereavement_and_Mourning_\(Russian_Empire\)](http://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/Bereavement_and_Mourning_(Russian_Empire))

¹⁵ *Родин Н. В.* Люди и война: социальные последствия боевых действий и усилия власти по их преодолению (1914 — 1917) // Первая мировая война и конец Российской империи. Т. 1. Политическая история. СПб., 2014. С. 737-740.

¹⁶ Извлечение из доклада Комиссии по вопросу об устройстве под Петербургом военного кладбища и упорядочения похорон умерших нижних чинов Гвардейского корпуса // Главная церковная и ризничная опись церкви Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского, что на Преображенском военном кладбище с принадлежащей церкви усадьбой. / Сост. ктитор Л.-Гв. Егерского полка полковник С. И. Кутепов. СПб., 1900. С. 65-74.

-
- ¹⁷ На Преображенское (ныне кладбище Памяти жертв 9-го января) и Успенское (ныне Северное) городские кладбища из Санкт-Петербурга (Петрограда) покойников из города доставляли специальные траурные поезда, отправлявшиеся, соответственно, с Николаевского и Финляндского вокзалов.
- ¹⁸ Подсчитано по: *Пучков С. В.* Московское городское Братское кладбище. М., 1915. С. 29.
- ¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 210. Оп. 1. Д. 673. Л. 5.
- ²⁰ Подробнее о Московском и Петроградском братских кладбищах см.: *Родин Н. В.* Великая война 1914–1918 гг. и национальная память России... С. 115-117.
- ²¹ *Толстой И. И.* Дневник в двух томах. Т. II. 1910-1916. СПб., 2010. С. 749.
- ²² Подробнее об этом см.: *Егоров А. Ю., Попов И. В.* Царское Село: память о Великой войне 1914-1918. Царское Село, 2007.
- ²³ *Туманова А. С.* Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 2014. С. 98.
- ²⁴ См., например: *Исакова Е.* Памяти забытых героев // Звезда. 1995. № 5. С. 162-165.
- ²⁵ См.: Россия в Первой мировой войне, 1914-1918: энциклопедия в 3 томах / отв. ред. А. К. Сорокин. М., 2014; Первая мировая война: энциклопедический словарь / ИВИ РАН; отв. ред. Е. Ю. Сергеев. М., 2014.
- ²⁶ См.: *Туманова А. С.* Указ. соч. С. 320-327.
- ²⁷ См.: *Rodin N. V.* Die Tätigkeit der Allrussischen Gesellschaft zum Gedenken an die Soldaten der russischen Armee in den Jahren des GroßenKrieges: Eine Untersuchung auf der Grundlage von russischer Archivalien // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 63 (2015), Н. 4, S. 626–643.
- ²⁸ Устав Всероссийского общества памяти воинов Русской армии, павших в войну 1914-1915 годов с Германией, Австрией и Турцией. Петроград, 1915. С. 1-3.
- ²⁹ См., например: РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10049. Л. 3.